

IJTIMOIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

VOL.3 № 2

2026

STRUKTURALISTIK VA KOGNITIV AN'ANALARDА TIL VA TAFAKKUR O'ZARO MUNOSABATI

Muradkasimova Kamola Shuxratovna

O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti, professor, filologiya fanlari doktori

Yuldasheva Dilshoda Musayevna

O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti, dotsent, filologiya fanlari doktori

Annotation

Til va tafakkur o'rtasidagi munosabat masalasi XX asr tilshunosligi, psixologiyasi va falsafasining muhim muammolaridan biri bo'lib, strukturalizm, amerika deskriptivizmi, psixolingvistika hamda kognitiv lingvistika doirasida turlicha talqin qilingan. Ushbu maqolada til va tafakkur o'zaro aloqasi strukturalistik va kognitiv an'ana kontekstida tahlil qilinib, til inson tajribasini vositalovchi ramziy va kognitiv mexanizm sifatida izohlanadi. Tadqiqotda dastlabki strukturalistik yondashuvlar tilning formal tuzilmasiga urg'u bergen holda, ko'pincha ong va tafakkur jarayonlarini tahlildan chetlashtirganligi, psixolingvistik va kognitiv yondashuvlarda esa til idrok, kategoriyalash, xotira va ijtimoiy tajriba bilan uzviy bog'liq bo'lgan tafakkur faoliyatining ajralmas qismi sifatida talqin etilishi ko'rsatib beriladi. Shuningdek, til tayyor g'oyalarni oddiy aks ettiruvchi vosita emas, balki kognitiv tajribani shakllantirish va kengaytirishda faol ishtirok etuvchi, shu bilan birga tafakkur imkoniyatlarini ma'lum darajada cheklovchi moslashuvchan ramziy tizim ekanligi asoslanadi.

Kalit so'zlar: til va tafakkur; psixolingvistika; til tuzilmasi; kognitsiya; ramziylik; til orqali kategoriyalash; kognitiv lingvistika; til manzarasi.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В СТРУКТУРАЛИСТСКОЙ И КОГНИТИВНОЙ ТРАДИЦИИ

Мурадкасимова Камола Шухратовна

Узбекский государственный университет мировых языков, профессор, доктор филологических наук.

Юлдашева Дильшода Мусаевна

Узбекский государственный университет мировых языков, доцент, доктор филологических наук.

Аннотация

Проблема соотношения языка и мышления является одной из ключевых в лингвистике, психологии и философии XX века и рассматривается в рамках различных теоретических направлений — от структурализма и американского дескриптивизма до психолингвистики и когнитивной лингвистики. В статье анализируется взаимодействие языка и мышления в структуралистской и когнитивной традиции, при этом язык интерпретируется как символический и когнитивный механизм, опосредующий человеческий опыт. Показано, что ранние структуралистские подходы, сосредотачиваясь на формальной организации языка, во многом исключали ментальные аспекты из лингвистического анализа, тогда как психолингвистические и когнитивные концепции рассматривают язык как неотъемлемую часть мыслительной деятельности, связанную с процессами восприятия, категоризации, памяти и социального опыта. Обосновывается положение о том, что язык не только отражает готовые идеи, но и активно участвует в формировании и расширении когнитивного опыта, выступая при

этом не как жесткий детерминант мышления, а как гибкая символическая система, одновременно открывающая и ограничивающая возможности познания.

Ключевые слова: язык и мышление; психолингвистика; языковая структура; когниция; символизм; языковая категоризация; когнитивная лингвистика; языковая картина мира.

THE INTERACTION OF LANGUAGE AND THOUGHT IN STRUCTURALIST AND COGNITIVE TRADITIONS

Muradkasimova Kamola Shukhratovna

Uzbekistan State World Languages University, Professor, Doctor of Philological Sciences (DSc).

Yuldasheva Dilshoda Musayevna

Uzbekistan State World Languages University, Associate Professor, Doctor of Philological Sciences (DSc).

Abstract

The relationship between language and thought is one of the central issues in twentieth-century linguistics, psychology, and philosophy and has been addressed within various theoretical frameworks, including structuralism, American descriptivism, psycholinguistics, and cognitive linguistics. This article examines the interaction between language and thought within the structuralist and cognitive tradition, conceptualizing language as a symbolic and cognitive mechanism that mediates human experience. It is argued that early structuralist approaches, while emphasizing the formal organization of language, largely excluded mental and cognitive dimensions from linguistic analysis, whereas psycholinguistic and cognitive perspectives regard language as an integral component of mental activity closely connected with perception, categorization, memory, and social experience. The study demonstrates that language does not merely reflect pre-existing ideas but actively participates in shaping and expanding cognitive experience, functioning not as a rigid determinant of thought but as a flexible symbolic system that both enables and constrains human cognition.

Keywords: language and thought; psycholinguistics; linguistic structure; cognition; symbolism; linguistic categorization; cognitive linguistics; linguistic worldview.

Проблема соотношения языка и мышления занимает центральное место в лингвистике XX века и является междисциплинарной областью, находящейся на пересечении языкоznания, психологии, философии и антропологии. Особое значение в формировании психолингвистического подхода к данной проблеме принадлежит Э. Сепиру, чья концепция во многом предвосхитила последующее развитие когнитивной лингвистики. По мнению Э. Сепира, культура отражает то, что делает и думает общество, тогда как язык показывает, каким образом оно мыслит. При этом принципиально важно, что Сепир, в отличие от Б. Уорфа, не отождествлял язык и культуру и не рассматривал культуру как производную от языка. Он отвергал детерминистскую трактовку языкового влияния, подчеркивая, что развитие языка и культуры представляет собой автономные, хотя и взаимосвязанные процессы. В частности, ученый указывал на бессмысленность попыток соотнести типы морфологии языка с этапами культурной или технологической эволюции общества.

На первый взгляд может показаться, что взгляды Э. Сепира на соотношение языка и культуры противоречивы, поскольку в более поздних работах он неоднократно подчеркивал глубинную укорененность языка в человеческом поведении и

сознательной деятельности. Однако данное противоречие снимается, если учитывать, что под «языком» Сепир понимал разные уровни языковой организации. Отрицая прямую зависимость культуры от языка, он имел в виду формальную сторону языковой системы — фонологию, морфологию и синтаксис, которые он рассматривал как относительно автономные и «формально завершенные». В то же время на уровне значений, символизма и функционирования языка в мышлении он признавал их теснейшую связь.

В этом отношении позиция Э. Сепира оказывается близкой к идеям Ф. де Соссюра, который также разграничивал язык как систему (*langue*) и речь как индивидуальное проявление (*parole*). Однако если Соссюр сознательно исключал психологический и когнитивный аспект из предмета языкоznания, ограничивая его изучением структуры знаковой системы, то Сепир, напротив, настаивал на невозможности полного понимания языка без учета его психической и культурной обусловленности. Таким образом, Сепир во многом преодолевает структурный формализм, сохраняя при этом системный взгляд на язык.

Сопоставление взглядов Э. Сепира с американским дескриптивизмом, прежде всего с концепцией Л. Блумфилда, позволяет еще отчетливее выявить оригинальность его подхода. Блумфилд, опираясь на бихевиористскую психологию, стремился исключить из лингвистического анализа категории сознания, мышления и значения, считая их ненаучными и недоступными объективному наблюдению. В противоположность этому Сепир утверждал, что язык не может быть сведен к механическому набору стимулов и реакций, поскольку он является символической системой, непосредственно связанной с когнитивными процессами. Формальная лингвистика, по его мнению, неизбежно игнорирует «человеческий фактор», если ограничивается лишь описанием структуры языка и не обращается к его реальному функционированию в сознании говорящих.

Особое значение в концепции Э. Сепира имеет идея взаимной обусловленности языка и мышления. Язык, по Сепиру, не является простым набором ярлыков, накладываемых на уже готовые мысли, а активно участвует в формировании и развитии мыслительных процессов. Поток речи не только следует за внутренним содержанием сознания, но во многих случаях развивается параллельно ему. Мыслительные операции могут опираться как на конкретные образы, так и на абстрактные отношения между символами, выраженными в языке. В этом смысле язык представляет собой внешнюю, символически оформленную грань мышления.

Данные положения во многом созвучны идеям представителей культурно-исторической психологии, прежде всего научной школы Л. С. Выготского, который рассматривал язык как основное средство формирования высших психических функций. Однако в отличие от психологов, Сепир пришел к этим выводам изнутри лингвистического анализа, что и позволяет рассматривать его как одного из предшественников психолингвистики.

Развивая идеи языковой обусловленности мышления, Э. Сепир придавал особое значение разграничению индивидуального и социального аспектов языка. С одной стороны, язык участвует в организации индивидуального опыта, который может формироваться и вне языкового выражения. С другой стороны, накопление и передача опыта в социуме невозможны без языка как коллективной системы символов. Обобщающие языковые знаки, такие как существительные, позволяют человеку классифицировать и обобщать явления действительности, выходя за рамки единичного восприятия. Так, слово «дом» не является обозначением конкретного объекта, а

представляет собой символ, объединяющий широкий спектр феноменов опыта.

В этом пункте взгляды Сепира перекликаются с концепцией «языковой картины мира», разработанной в неогумбольдтианской традиции, прежде всего в работах Л. Вайсгербера. Последний утверждал, что язык формирует специфическую «промежуточную реальность» (Zwischenwelt), через которую человек воспринимает и осмысливает окружающий мир. Однако если Вайсгербер склонялся к более сильной версии языковой обусловленности мышления, то Сепир сохранял осторожную позицию, не доводя свои рассуждения до жесткого лингвистического детерминизма.

Сепир также уделял значительное внимание связи языка и поведения человека. Язык, по его мнению, является основным инструментом символического осмысливания действительности, на основе которого человек выстраивает свое поведение. Усвоение языковой системы в процессе социализации оказывает непосредственное влияние на формирование личности, поскольку вместе с языком индивид усваивает и определенные способы категоризации мира.

Важным элементом концепции Э. Сепира является признание эвристической функции языка. Язык позволяет человеку выходить за пределы непосредственного эмпирического опыта, рассуждать об объектах, которых он никогда не видел, и даже о тех, которые не существуют в реальности. Тем самым язык становится инструментом познания, расширяющим когнитивные горизонты человека. Вместе с тем Сепир указывал и на ограничивающую роль языка, поскольку он отражает преимущественно обыденную картину мира, которая может вступать в противоречие с научным знанием.

Рассуждая о языковых универсалиях, Э. Сепир подчеркивал, что сходства между языками объясняются общностью внешнего мира и универсальностью человеческого опыта. Различия же между языками обусловлены специфическими формальными способами организации и обозначения элементов этого опыта. В этом отношении его позиция близка современным когнитивным подходам, рассматривающим язык как средство концептуализации универсального опыта в различных культурно-языковых формах.

Таким образом, психолингвистическая концепция Э. Сепира представляет собой целостное и многомерное учение о языке как символической системе, тесно связанной с мышлением, поведением и культурой, но не сводимой ни к одному из этих явлений. Его идеи, не получившие систематического развития в первой половине XX века, во многом опередили свое время и заложили теоретические основания для когнитивной лингвистики и психолингвистики конца XX – начала XXI века.

В рамках рассматриваемой проблематики особое значение приобретает вопрос о соотношении языковой структуры и когнитивных механизмов, лежащих в основе порождения и понимания речи. Психолингвистический подход позволяет рассматривать язык не только как результат исторического развития, но и как динамическую систему, функционирующую в реальном времени в процессе мыслительной деятельности. Это означает, что язык выступает не просто средством фиксации знаний, но и механизмом их актуализации, преобразования и переосмысливания в конкретных коммуникативных ситуациях.

Существенным вкладом в развитие данных представлений стало осмысливание роли языка в формировании категориальных структур сознания. Языковые категории не являются зеркальным отражением объективной реальности, а представляют собой результат ее концептуальной обработки, обусловленной как универсальными когнитивными механизмами, так и исторически сложившимися традициями языкового сообщества. В этом контексте язык выступает как инструмент, который позволяет

структурировать опыт, выделять значимые признаки объектов и процессов и устанавливать отношения между ними.

Важно подчеркнуть, что в психолингвистической и когнитивной традиции язык не трактуется как замкнутая система, жестко определяющая мышление. Напротив, подчеркивается его адаптивный характер и способность изменяться в зависимости от коммуникативных и когнитивных потребностей общества. Языковая система, сохраняя относительную устойчивость, одновременно допускает вариативность и инновации, что обеспечивает ее соответствие изменяющимся условиям познания и социальной практики. Особый интерес представляет проблема перевода и межъязыковой интерпретации, которая наглядно демонстрирует как универсальные, так и специфические черты языкового мышления. Возможность передачи содержания между языками свидетельствует о наличии общего когнитивного основания, тогда как неизбежные потери при переводе художественных, метафорических или культурно нагруженных текстов указывают на специфику языковых способов концептуализации опыта. Это еще раз подтверждает положение о том, что язык не только передает информацию, но и формирует способы ее осмысления.

В рамках когнитивной парадигмы данные идеи получают дальнейшее развитие в исследованиях концептуальных метафор, фреймов и сценариев, которые демонстрируют, каким образом языковые структуры соотносятся с ментальными моделями действительности. Язык в данном случае выступает как средство репрезентации когнитивных схем, позволяющих человеку ориентироваться в сложной системе социальных и культурных значений. Таким образом, анализ взаимодействия языка и мышления в структуралистской и когнитивной традиции позволяет прийти к выводу о принципиальной несводимости языка ни к чисто формальной системе, ни к прямому отражению мыслительных процессов. Язык следует рассматривать как многоуровневый когнитивный и символический механизм, обеспечивающий связь между индивидуальным сознанием и коллективным опытом. Такой подход открывает перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований, объединяющих лингвистику, психологию, когнитивную науку и философию языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. — М.: Прогресс, 1993. — 656 с.
2. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
3. Блумфилд Л. Язык. — М.: Прогресс, 1968. — 607 с.
4. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 232с.
5. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960. — Вып. 1. — С. 135–168.
6. Выготский Л. С. Мышление и речь. — М.: Лабиринт, 1999. — 352 с.
7. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. — М.: Смысл, 2003. — 287 с.
8. Лuria A. R. Язык и сознание. — М.: МГУ, 1979. — 320 с.
9. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкоznания. — М.: МГУ, 1992. — 336 с.
10. Хомский Н. Логические основы лингвистической теории // Новое в лингвистике. — М.: Наука, 1965. — Вып. 4. — С. 63–70.
11. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago: University of Chicago Press, 1980. — 242 p.